

(1) Среди многих постыдных поступков, которые я совершил в жизни, более всех памятен мне один. (2) В детском доме в коридоре висел репродуктор, и однажды в нём раздался голос, ни на чей не похожий, чем-то меня – скорее всего как раз непохожестью – раздражавший. (3) «Ха! Орёт как жеребец!» – сказал я и выдернул вилку репродуктора из розетки. (4) Голос певички оборвался.

(5) Много лет спустя в Ессентуках, в просторном летнем зале, слушал я симфонический концерт. (6) Музыканты крымского оркестра со славной молоденькой дирижёршей Зинаидой Тыкач терпеливо растолковывали публике, что они будут играть, когда и кем написано то или иное произведение. (7) Они как будто просили извинения за своё вторжение в жизнь граждан, лечащихся или просто жирующих на курорте, и концерт начали с лихой увертюры Штрауса, чтобы подготовить слушателей ко второму, более серьёзному отделению.

(8) Но Штраус не помог – уже с середины первого отделения концерта слушатели, пришедшие на мероприятие, вероятно, только потому, что оно бесплатное, начали покидать зал. (9) Уходили с недовольством, выкриками, хлопая сиденьями.

(10) Я слушал, как надрываются музыканты, чтобы заглушить шум в зале, и мне хотелось за всех нас попросить прощения у милой дирижёрши, у оркестрантов, извиниться и рассказать, как я в детстве совершил поступок, за который потом было стыдно.

(11) Но жизнь – не письмо, в ней постскриптума не бывает. (12) Что из того, что певичка, которую я оскорбил когда-то словом (имя ей – Великая Надежда Обухова), стала моей самой любимой певичкой, что я «исправился» и не раз плакал, слушая её?

(13) Она-то, певичка, уж никогда не услышит моего раскаяния, не сможет простить меня. (14) Зато, уже пожилой и седой человек, я содрогаюсь от каждого хлопка и бряка стула в концертном зале.

(По В.П. Астафьеву)